

"Величав Амур седой, мы храним его покой". Проблемы исторической памяти и региональной идентичности в Хабаровском крае

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, efd2015@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика политики памяти и региональной идентичности в Хабаровском крае. Пример Хабаровского края демонстрирует особенности политики памяти на уровне региона, где мнемонические взаимодействия и нарративы могут отличаться от соответствующих процессов на федеральном уровне. Рассмотрены взаимодействия ключевых мнемонических акторов, выявлены основные зоны конфликтов, связанные с различными трактовками исторического прошлого. Показано значение политического использования прошлого для формирования региональной идентичности.

Ключевые слова: политика памяти, Дальний Восток, Хабаровский край, мнемонические акторы, региональная идентичность, коммеморации

Для цитирования: Ефременко Д.В. "Величав Амур седой, мы храним его покой". Проблемы исторической памяти и региональной идентичности в Хабаровском крае // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 23–37. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/23-37>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/23-37>

"Majestic Hoary Amur, We Are Keeping His Calm". Issues of Historical Memory and Regional Identity in Khabarovsk Region

Dmitry V. EFREMENKO

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia, efd2015@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of memory politics and identity in Khabarovsk region. The case in question demonstrates the specifics of memory politics at the regional level, where mnemonic interactions and narratives may differ from the corresponding processes at the federal level. The interactions of key mnemonic actors are considered, the main zones of conflicts associated with different interpretations of the historical past are identified. The importance of the political use of the past for the formation of regional identity is demonstrated.

Keywords: politics of memory, Russian Far East, Khabarovsk region, mnemonic actors, regional identity, commemorations

For citation: Efremenko D.V. "Majestic Hoary Amur, We Are Keeping His Calm". Issues of Historical Memory and Regional Identity in Khabarovsk Region // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 23–37. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/23-37>

Введение

Современное состояние исследований политики памяти и мемориальной культуры характеризуется не только углубленными теоретико-методологическими поисками, но также экспоненциально расширяющимся пространственным охватом. Речь идет как о географии объектов анализа, так и об уровнях иерархии – от глобального (космополитическая, или транснациональная память) до локального. Базовой, безусловно, остается привязка к национальному государству и стоящему за ним макрополитическому сообществу. Однако исследователи политики памяти в полной мере осознают, что картина мнемонических взаимодействий, представленная только на макроуровне политической организации, остается заведомо неполной. В то же время стремление уйти на микроуровень памяти локальных сообществ или групп может в некоторых случаях вести к смещению аналитического фокуса, осложняя понимание механизмов производства публичных дискурсов, фреймирующих историческую память макрополитического сообщества. В этом контексте вполне адекватной видится установка на разномасштабность (multiscalarity) в исследованиях памяти [30], позволяющая сформировать комби-

нированную оптику изучения широкого комплекса взаимодействий, связанных с воспоминанием и интерпретацией прошлого.

Как представляется, применительно к исследованиям политики памяти в России наименее разработанной является проблематика политики памяти в регионах. Несмотря на количественный рост научных публикаций, посвященных репрезентациям исторического прошлого в тех или иных регионах страны, на систематическом уровне данная задача пока далека от своего решения. Один из возможных подходов к картированию мнемонического ландшафта России был предложен участниками исследовательского проекта РНФ "Комплексное сравнительное изучение политики памяти в России и на международной арене: акторы, стратегии, инструментарий" (2017–2021, руководитель – д.и.н. А.И. Миллер). Подход основан на сочетании анализа большого массива научных публикаций и иных информационных материалов с данными, полученными в ходе полуструктурированных интервью с экспертами (учеными, преподавателями вузов, музейными работниками, активистами общественных организаций, журналистами), представляющими соответствующий регион. Сопоставление данных нескольких экспертных интервью по каждому субъекту Федерации позволяет получить представление о региональной повестке политики памяти, основных нарративах и взаимодействиях мнемонических акторов. Следующим шагом становится сравнение между собой регионов, расположенных по соседству друг с другом или внутри более крупного территориального кластера (например, федерального округа)¹.

В настоящей статье представлен аналитический обзор основных тенденций и особенностей политики памяти в Хабаровском крае. Рассмотрение данной проблематики позволяет сделать ряд значимых выводов в отношении некоторых общих особенностей и динамики взаимодействий мнемонических акторов в азиатской части России. В то же время мнемоническое измерение является неотъемлемой частью макрорегиональной идентичности, и, таким образом, статья служит вкладом в обсуждение этой проблемы.

История и политика на берегах Амура

С чего начинается история? Речь, разумеется, в нашем случае идет о контексте политики памяти, о балансе памятования и забвения применительно к определенной территории, имеющей статус административно-территориальной единицы. Первый очевидный рубеж, демонстрирующий особенности дискурсивного пространства политики памяти на уровне российского региона, проходит через описание и восприятие его истории в эпоху, предшествовавшую установлению систематического контроля Москвы (в дальнейшем – Санкт-Петербурга). В Хабаровском крае, как и в значительной части других регионов Дальнего Востока и Сибири, внимание фокусируется на археологических памятниках доисторической эпохи и этнографически значимых артефактах, позволяющих получить более полное представление о материальной и духовной культуре автохтонного населения. Контекст политической истории практически отсутствует. Даже памятники XIII – начала XV в. у пос. Тыр в 100 км. от устья Амура рассматриваются преимущественно в археологической оптике, как свидетельства иррегулярных попыток династий Юань и Мин распространить свое влияние на исконные территории проживания нивхов (в китайской традиции их относили к диким чжурчжэням) [9]. По сути дела, в дискурсивном поле находится лишь история вхождения и пребывания этих земель в составе российского государства.

В Хабаровском крае появление землепроходцев фактически признается первой вехой исторического бытия этих регионов, но сколь-нибудь активных дискуссий в публичной сфере по этой теме до последнего времени не велось. Принципиальный вопрос – было ли проникновение русских в Восточную Сибирь и на Дальний

¹ Более полный обзор состояния исследований политики памяти в регионах дан во введении к коллективной монографии [22]. Сравнение нескольких регионов Сибири и Дальнего Востока с использованием материалов экспертных интервью представлено в IV главе данной монографии, написанной автором.

Восток преимущественно мирным освоением "незанятого" пространства или колонизацией – в основном остается за пределами дискурсивного поля. В академической среде представление о дальневосточных территориях как о "пустой земле" в ряде публикаций рассматривается в качестве мифологемы, одним из последствий утверждения которой становится отрицание прошлого региона до момента, когда, собственно, начинается освоение или покорение этих земель [25]. В оптике этой прогрессистской мифологемы осмысление феномена землепроходчества становится одномерным, а довольно спорные моменты в жизнеописаниях землепроходцев, в частности, Ерофея Хабарова, чья деятельность может по-разному оцениваться и с точки зрения взаимоотношений с приамурскими племенами, и в плане безупречного отстаивания интересов "Белого царя", чаще всего остаются на периферии обсуждений истории региона. Некоторое оживление интереса к деятельности землепроходцев в Приамурье связано в последние годы с активной историко-просветительской и литературной деятельностью хабаровского философа и социолога Л.Е. Бляхера, который предлагает рамку описания первого проникновения русских в регион как "сорокалетней войны на Амуре" [15].

Одним из наиболее ярких эпизодов истории продвижения русских к Тихому океану является оборона албазинского острога в 1685 г. и в 1686 г. Несмотря на неудачный военный исход и негативные политико-дипломатические последствия (Нерчинский договор 1689 г. почти на два столетия отсрочил установление российского контроля над Приамурьем), в символическом отношении албазинская оборона имеет большое значение для всего дальневосточного макрорегиона. Однако эффективность использования этого потенциала не очень высока из-за формально-бюрократического подхода, отягощенного к тому же фактором административно-территориального деления: албазинская тематика рассматривается как "подведомственная" Амурской области, в составе которой находится с. Албазино. Здесь важно учитывать по крайней мере два аспекта. Один связан с тем, что основным спонсором археологических раскопок на месте албазинской крепости, создания посвященных ее обороне документальных фильмов, научных и популярных изданий с 2011 г. выступает Фонд "Петропавловск", учрежденный одноименной группой золото- и горнодобывающих компаний, контролируемых бизнесменом П.А. Масловским (в 2011–2014 гг. – член Совета Федерации от Амурской области). Ее основные активы находятся в Амурской области, в том числе одно из крупных предприятий – в с. Албазино. Соответственно, Фонд "Петропавловск" наиболее плотно взаимодействует с областной администрацией, которая поддерживает ряд его инициатив, включая возможное включение изданий, посвященных Албазину, в программу школьного курса "Краеведение", а также реализует проект реконструкции строений острога в парке "Патриот", расположенном на полигоне Дальневосточного высшего общевойскового командного училища [6]. Однако в Хабаровском крае и других регионах Дальнего Востока история Албазинской обороны пока остается периферийной темой. Возможно, несколько изменить это положение поможет публикация романа Л.Е. Бляхера "Сибирская сага", главным героем которого является руководитель обороны Албазина Афанасий Бейтон [2].

Следует также принимать во внимание международно-политические коннотации темы Албазина. На фоне усилий по развитию российско-китайского стратегического партнерства контекст, связанный с периодом противостояния и территориальных споров между двумя державами, представляется не совсем "удобным". Невнятность позиции и отсутствие скоординированного подхода региональных властей на уровне Дальневосточного федерального округа контрастируют с куда более решительной позицией властей китайской провинции Хэйлунцзян, в соответствии с решением которых в 2015 г. в центре г. Хэйхэ, расположенного по

другую сторону Амура напротив Благовещенска, был установлен памятник маньчжурскому полководцу Лантаню, осаждавшему Албазинскую крепость².

Характерной особенностью постсоветской политики памяти в регионах Сибири и Дальнего Востока является поиск опорных точек (мест памяти), позволяющих подчеркнуть значение региона в истории и современности, акцентировать как его своеобразие, так и связь с "большой Россией", избегая при этом перехода публичных дискуссий о прошлом в конфликтную плоскость. На уровне персоналий интерес фокусируется на выдающихся государственных деятелях, оставивших заметный след в истории Сибири и Дальнего Востока. Большое внимание уделяется роли Н.Н. Муравьева-Амурского в окончательном закреплении России на Тихом океане. При этом в Хабаровске (особенно последовательно в период руководства краем В.И. Ишаевым) велась работа по увековечению памяти сподручников Н.Н. Муравьева-Амурского (в частности, открытие в 2008 г. памятника первостроителю Хабаровска капитану Я.В. Дьяченко) и его преемников. В целом мемориальная политика в Хабаровском крае (равно как и в Амурской области) направлена на закрепление сюжетов исторической памяти, связанных с установлением российско-цинской границы на основе Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров [20, с. 33]. Региональные власти достаточно активно работают над организацией юбилейных мероприятий, позволяющих подчеркнуть заслуги исторических деятелей, внесших заметный вклад в изучение, политико-административное, экономическое и культурное освоение региона. На это, в частности, были направлены мероприятия в ознаменование 200-летия со дня рождения мореплавателя Г.И. Невельского и 170-летия со дня рождения генерал-губернатора Приамурского края Н.Н. Гродекова. В 2013 г. с этими юбилеями и 75-летием образования Хабаровского края был сопряжен и проект региональной администрации "Край замечательных людей", когда в течение 75 дней с помощью СМИ их читателям и пользователям предлагались повествования о 75 известных людях, внёсших значительный вклад в освоение и развитие региона [29]. Фактически этот проект можно рассматривать как пример контролируемых властью усилий по догоняющему конструированию региональной идентичности, хотя для большинства из отобранных для чествования деятелей основной ареной активности был город Хабаровск, на протяжении жизни нескольких поколений выступавший административным центром территории, многократно изменявшей свои географические очертания и размеры. Исходную точку формирования самой дальневосточной идентичности вполне уместно соотносить с созданием Приамурского генерал-губернаторства (1884) [25, с. 37], учитывая при этом особенности последующих переселенческих волн и миграций населения, а также ключевые события политической и военной истории страны.

Для дореволюционной эпохи и первых послереволюционных лет наиболее очевидным претендентом на статус культурного героя Дальнего Востока можно считать В. К. Арсеньева, который не только внес весомый вклад в познание физической географии, животного мира и этнографии края, но и олицетворяет своей деятельностью паттерн взаимодействия русских с автохтонным населением Приамурья. Указом Президента РФ 2022 г. был объявлен годом празднования 150-летия Арсеньева, а самому юбилею был придан общероссийский масштаб. Впрочем, еще до юбилея фигура Арсеньева была центральной для ряда научных и культурно-просветительских программ и мероприятий в масштабе всего Дальнего Востока (в частности, ежегодных Арсеньевских и Гродековских чтений, проектов Общества изучения Амурского края, имеющего автономный статус в составе Российского географического общества (РГО)). В последние годы РГО делает упор на возрождении мощной традиции географических исследований приамурского ре-

² В связи с этим стоит обратить внимание на некоторую неоднозначность глорификации Лантаня уже с точки зрения политики памяти в Северо-Восточном Китае. Исполняя волю императора Канси по вытеснению русских из Приамурья, Лантань действовал в династических интересах маньчжуров, которые строжайшим образом препятствовали даже временному посещению ханьцами северной части Маньчжурии.

гиона, фокусируя внимание на наиболее значимых экспедициях и биографиях В.К. Арсеньева и других исследователей. Следует отметить, что в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке в целом иногда дает о себе знать и тенденция к своеобразной монополизации формирования образа В.К. Арсеньева как регионального культурного героя, в рамках которой довольно негативно оцениваются усилия ряда столичных авторов-арсеньеведов, якобы пользующихся недостоверной информацией [11, с. 101].

Революционные потрясения 1917 г. и последовавшая за ними гражданская война, безусловно, занимают важное место в тематическом репертуаре политики памяти в Хабаровском крае и других регионах Дальнего Востока. С одной стороны, в этих регионах воспроизводятся общероссийские тенденции, проявляющиеся при обращении к рубежным событиям отечественной истории XX столетия. Прежде всего, это отсутствие четко артикулированной позиции федеральных властей в отношении Февральской и Октябрьской революций, подтверждением чему стали коммеморации столетия свержения самодержавия и прихода к власти большевиков. Фактически властвующая элита сделала выбор в пользу мнемонического плюрализма, допускающего полифонию нарративов о революции(ях) 1917 г., но регулирующего остроту дискуссий и ориентирующего их участников на достижение примирения и согласия [18, с. 10]. В этих условиях представители регионального сегмента вертикали власти, как правило, предпочитали воспроизводить шаблон действий федеральных властей. Попытка занять более определенную позицию могла бы создать впечатление о несогласии с линией московского руководства, но при этом также усложнить отношения с теми или иными местными мнемоническими акторами.

С другой стороны, следует принимать во внимание специфические особенности восприятия событий 1917 г., гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. Макрорегион в конце 1910-х – начале 1920-х гг. едва ли можно назвать зоной благоприятствования большевистскому проекту социально-политических преобразований. Далеко не все события и попытки организации политической власти укладываются в "красно-белую" парадигму описания гражданской войны и революции. Насыщенная фактология и множественность противоборствовавших друг с другом сил затрудняют формирование целостной рамки восприятия этих событий на бытовательском уровне. Скорее, фрагментарная постпамять об этих событиях продолжает воспроизводить устоявшиеся стереотипы о революционной и партизанской борьбе на Дальнем Востоке, часть из которых восходит к советскому литературному канону.

Тематика иностранной военной интервенции на Дальнем Востоке является важной частью репертуара политики памяти в Хабаровском крае и других субъектах ДФО, но при этом сама череда связанных с интервенцией событий и масштаб вмешательства иностранных держав получают неодинаковое освещение. Наибольшее внимание привлекает японская интервенция, вокруг которой выстраивается неустойчивый баланс памятования / забвения. При этом, как справедливо отмечает А.В. Михалев, налицо трехуровневая картина почти полувекового российско-японского противостояния, первым этапом которой выступает неудачная российско-японская война 1904–1905 гг., вторым – японская военная интервенция на Дальнем Востоке, а третьим – разгром Квантунской армии в августе-сентябре 1945 г. [19] (сюда же можно добавить и Хабаровский процесс 1949 г.). С этой триадой связаны и особый травматический опыт, наиболее явно проявляющийся в масштабах макрорегиона, и его символические манифестации в литературе, скульптуре и изобразительном искусстве, кинематографе. В своей совокупности они являются важными компонентами дальневосточной макрорегиональной идентичности. Травматический опыт японской интервенции лишь фрагментарно воспринимается на федеральном уровне, с дистанции европейской части России. Более того, длительные попытки достичь прогресса в переговорах Москвы и Токио о заключении мирного договора побуждали не только центральные, но и региональные власти не слишком педалировать болезненную историческую про-

блематику. Вместе с тем такой сдержанный подход со стороны властей отчасти компенсировался действиями других мнемонических акторов, в числе которых, наряду с краеведами, можно обнаружить и региональные отделения КПРФ, и объединения представителей корейской диаспоры. Нельзя не отметить и японские мемориальные проекты, начавшие реализовываться уже в постсоветский период. Их задача состояла в выработке "языка примирения" на основе покаяния за преступления и трагедии периода интервенции [19]. В свете резкого усиления геополитической конфронтации в последние годы появляются основания говорить о новом "разогреве" памяти о сопротивлении интервентам, причем, помимо японской интервенции, особое внимание начинает уделяться действиям американского контингента и партизанской борьбе с ним [21].

Мифологема партизанского движения, имевшая фундаментальное значение для советской политики памяти на Дальнем Востоке и оказавшая значительное влияние на макрорегиональную идентичность, в постсоветское время оказалась в тени забвения. Но если в начале 1990-х годов это забвение объяснялось желанием уйти от советских символических и мнемонических практик, то в настоящее время появляется все больше стимулов (включая и геополитические) для нового прочтения этой мифологемы. Однако позиция региональных властей остается весьма сдержанной. Есть сложности, связанные с самой темой, поскольку "правильные" партизаны, боровшиеся с колчаковцами и интервентами, в некоторых случаях действовали "неправильными" методами³, а спустя несколько лет многие из них составили основу "неправильных" отрядов антисоветских повстанцев. В более общем смысле память о партизанской борьбе может иметь коннотации, связанные с активным неприятием локальными сообществами навязываемых извне социальных и политических порядков.

Тема истории Дальневосточной республики лишь незначительно присутствует в актуальных дискуссиях об историческом прошлом, несмотря на очевидный трансрегиональный потенциал данного нарратива. Достаточно сказать, что географические контуры ДВР и Дальневосточного федерального округа (после включения в его состав Бурятии и Забайкальского края) на западе, юге и востоке в основном совпадают. Однако апелляция к опыту ДВР в рамках политической полемики чревата обвинениями в сепаратистских устремлениях. Показательным примером в данном случае может служить позитивное высказывание о ДВР в интервью "Известиям" (29.11.1995) хабаровского губернатора В.И. Ишаева. Но здесь необходимо принимать во внимание контекст жесткого торга за ресурсы и влияние между субъектами федерации и федеральным центром в преддверии президентских выборов 1996 г. Никаких практических действий по реинкарнации ДВР Ишаевым и другими лидерами дальневосточных регионов не предпринималось. В то же время в конце 1980-х – начале 1990-х годов миф о ДВР как своеобразном резервате благополучия и демократических свобод наполнялся содержанием и поддерживался в довольно узком кругу общественных активистов перестроечной волны и местной гуманитарной интеллигенции [8]. В конечном счете тема ДВР оказалась частично стигматизированной и оттесненной на весьма скромное место в ландшафте исторической памяти Хабаровского края и ряда других регионов, входящих в состав ДФО. В основном о ДВР вспоминают в связи с Волочаевской операцией и окончанием гражданской войны, а также трагическими обстоятельствами завершения японской интервенции (Николаевский инцидент). Столетие создания ДВР в 2020 г. отмечалось весьма скромно, чему, впрочем, способствовали и ограничения, связанные с пандемией COVID-19. Так, например, Государственный архив Хабаровского края представил посвященную этому событию виртуальную выставку; выставка также была организована в читинском Забайкальском краеведческом музее; в Забайкальском крае была выпущена памятная юбилейная медаль, но в других регионах Дальнего Востока эта инициатива продолжения не получила.

³ В частности, таковы, по большинству оценок, действия Я.И. Тряпицына в Николаевске-на-Амуре.

Своеобразным мнемоническим alter ego Хабаровска и других крупных центров Дальнего Востока и Восточной Сибири является русский Харбин. Сам Харбин с момента основания в 1898 г., КВЖД и ЮМЖД выступали манифестациями геополитических амбиций российской империи в эпоху Николая II, а Порт-Артур остается одним из первостепенных мест памяти российской военной истории. Однако применительно к послереволюционному периоду русский Харбин остается в исторической памяти не просто как один из важнейших центров белой эмиграции, но как воплощение той линии развития, которая могла реализоваться в Хабаровске, Владивостоке, Чите, Иркутске и т.д., но вследствие прихода к власти большевиков не была реализована⁴. Из этих городов в Харбин шел мощный переток человеческого капитала – предпринимателей, интеллигенции, военных, духовенства, казачества. Хотя тема наследия русской эмигрантской культуры может рассматриваться в том же Хабаровске как элитарная, интенсификация российско-китайского экономического и культурного приграничного взаимодействия с начала 1990-х годов привносит в связанную с этим взаимодействием мнемоническую сферу новые коннотации. Инициированное властями провинции Хэйлуцзян в 1990-е годы восстановление исторического центра Харбина осуществлялось с привлечением хабаровских архитекторов; тогда же начал реализовываться ряд совместных (на уровне приграничных регионов) проектов музейно-выставочной деятельности, посвященных историко-культурным аспектам трансграничного взаимодействия русских и китайцев. Русское культурное наследие стало туристическим брендом современного Харбина, в значительной степени ориентированным на интерес современных россиян, правда, на весьма поверхностном уровне⁵. Тема белой эмиграции в Харбине и в целом в северо-восточном Китае также отражена в постоянной экспозиции Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова.

Политические и социально-экономические преобразования, развернувшиеся на территории нынешнего Хабаровского края после окончательного утверждения там советской власти, весьма неравномерно отражаются в современных исторических нарративах. Индустриальное освоение территорий края и развитие системы ГУЛАГа теснейшим образом переплетены друг с другом. Историческая мифология советской эпохи основана на замалчивании того факта, что большинство переселенцев и строителей объектов промышленности и инфраструктуры на Дальнем Востоке делали это недобровольно. Так, только на строительстве Байкало-Амурской магистрали и связанных с ней объектов были задействованы около 50 тыс. заключенных. Однако при всей тотальной значимости для Дальнего Востока темы репрессий и ГУЛАГа, она явно далека от того, чтобы стать стержнем региональной исторической памяти, хотя несомненно ее мощное воздействие на региональную идентичность.

Происходившая после распада СССР эрозия советской исторической мифологии на Дальнем Востоке не получала практически никакой адекватной замены. Вместе с тем вполне живы ее рудименты, в частности, даты и памятные дни, связанные с вехами индустриального строительства – день города Комсомольска-на-Амуре, даты основания градообразующих предприятий, которые для исторической памяти конкретного населенного пункта или района оказываются более важными, чем даты, "привязанные" к Хабаровскому краю как субъекту федерации.

Непосредственно проблематикой памяти жертв сталинских репрессий занимался "Мемориал"⁶, периодом расцвета деятельности которого считаются 1990-е годы, когда существовали наиболее благоприятные возможности реализации задач объединения и его региональных структур с точки зрения поддержки граж-

⁴ См.: [12].

⁵ Экспозиции китайских исторических и краеведческих музеев, рассказывающие о тех или иных аспектах двусторонних отношений, иллюстрируют официальный исторический нарратив КНР и, соответственно, ориентированы на внутреннюю аудиторию, вплоть до ограничения доступа граждан России к некоторым историческим экспозициям [23].

⁶ Запрещенная на территории РФ организация; СМИ, выполняющее функции иноагента.

данского общества, взаимодействия с федеральными, региональными и муниципальными органами власти, привлечения финансирования. По инициативе "Мемориала" на городском кладбище Хабаровска в 1990 г. была построена часовня в память о жертвах репрессий; в 2003 г. она была реконструирована с добавлением каменных пилонов, на которых выгравированы имена 4300 хабаровчан – жертв сталинских репрессий. В 2007 г. каменный крест и памятник были установлены в Николаевске-на-Амуре на месте захоронения репрессированных. После признания правозащитного центра "Мемориал" в 2013 г. решением суда иностранным агентом, условия функционирования всех структур, использующих в своем названии бренд "Мемориал", заметно ухудшились как в России в целом, так и в регионах. Достаточно остро начала проявляться проблема смены поколений активистов региональных организаций "Мемориала", поскольку участие в его деятельности уже не гарантировало благоприятную позицию в региональном сегменте гражданского общества (по контрасту с периодом 2000-х – начала 2010-х гг., когда, например, заместитель руководителя хабаровского "Мемориала" возглавляла совет при губернаторе Хабаровского края по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека). Несмотря на это, историко-просветительское объединение "Мемориал" продолжало реализовывать традиционные для него проекты и поддерживало новые инициативы. В числе заметных акций хабаровского "Мемориала" необходимо отметить установку в 2013 г. в порту Ванино мемориальной доски легендарному подводнику, герою Советского Союза А.И. Маринеско, который в 1950–1951 гг. отбывал наказание по сфабрикованному обвинению в Ванинском ИТЛ, присвоение имени А.И. Солженицына в 2012 г. одной из новых улиц в Индустриальном районе Хабаровска, а также издание в 2018 г. сборника "Сталинский транзит: узники Хабаровской пересылки" [27].

В качестве набирающей силы контртенденции увековечению памяти жертв репрессий выступают усилия близких к КПРФ активистов и представителей ветеранских организаций по "монументальной реабилитации" И.В. Сталина. В 2018 г. бюст Сталина был установлен в Комсомольске-на-Амуре на аллее кавалеров ордена Победы. Инициатором создания аллеи и установки бюстов кавалеров ордена Победы выступило краевое государственное бюджетное учреждение "Комсомольская-на-Амуре набережная р. Амура"; проект пользовался поддержкой Российского военно-исторического общества [5]. В 2019 г. еще один бюст Сталина был открыт в с. Сосновка на окраине Хабаровска, на территории садового участка, принадлежащего местному коммунисту.

Память о Великой Отечественной войне в Хабаровском крае и макрорегионе в целом тесным образом переплетена с событиями Второй мировой войны в Восточной Азии, предшествовавшими гитлеровскому вторжению и последовавшими после разгрома нацистской Германии. В исторической памяти Дальнего Востока и Восточной Сибири военное противостояние с Японией на оз. Хасан в 1938 г. и на р. Халхин-Гол в 1939 г. выступают как первые вехи, знаменующие вклад макрорегиона в будущую победу. То обстоятельство, что режим памяти и нарративы о Великой Отечественной войне на Дальнем Востоке почти не отличаются от восприятия войны в европейской части России, где разворачивались боевые действия, служит еще одним подтверждением того, что война и победа над нацистской Германией выполняют роль смыслового каркаса всей российской политики памяти, причем ощущение их экзистенциальной значимости сохраняется у всех поколенческих когорт во всех частях страны. Местные особенности проявляются, прежде всего, в понятном интересе дальневосточников к боевому пути формировавшихся к востоку от Урала воинских подразделений. Молодежные поисковые отряды ежегодно организуют экспедиции по местам сражений, занимаясь поиском и захоронением останков красноармейцев, а также выявлением среди павших уроженцев своего региона; эпизоды из сражений Великой Отечественной войны часто разыгрываются дальневосточными реконструкторами.

Роль тыла, эвакуации в рассматриваемые регионы населения и промышленных предприятий из европейской части СССР, создание новых производств и ин-

фраструктуры, критически значимых для Победы, занимают достойное место в символической политике и региональных нарративах о Великой Отечественной войне. Так, в Хабаровске в 2020 г. проведен открытый конкурс на лучший проект памятника труженикам тыла и детям войны. Учреждение в 2020 г. почетного звания РФ "Город трудовой доблести" способствовало разворачиванию негласного соревнования между властями регионов и городов, имеющих основания претендовать на его присвоение. Претенденты, помимо подготовки необходимого пакета документов, включающего и архивные материалы, инициировали информационные кампании в местных и даже федеральных СМИ. В 2021 г. звание "Город трудовой доблести" было присвоено Комсомольску-на-Амуре.

Маньчжурская и Южно-Сахалинская наступательные операции, военный разгром Японии и победоносное завершение Второй мировой войны поддерживаются в качестве важной вехи региональной исторической памяти как гражданскими, так и военными властями. В ведении последних находится ряд мемориальных объектов, военных музеев и других элементов инфраструктуры памяти. Следует принимать во внимание, что военные действия последних недель Второй мировой войны являются частью боевого пути многих подразделений Вооруженных сил РФ, дислоцированных в Хабаровском крае. В свою очередь, гражданские власти края и некоторых других регионов предпринимали шаги, направленные на изменение формата коммеморации победы над Японией на федеральном уровне. В частности, в конце 2000-х годов хабаровский губернатор В.И. Ишаев, наряду с представителями органов власти Сахалинской области, выступал за перенос отчисления дня победы во Второй мировой войне со 2 на 3 сентября, предлагая тем самым усилить акцент на военном разгроме Японии и восстановить преемственность в отношении соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР.

Сходные коннотации обнаруживают себя и при обсуждении такой темы, как Хабаровский процесс 1949 г. над группой военнослужащих Квантунской армии, обвинявшихся в создании и испытании бактериологического оружия. Важное значение Хабаровского процесса в политике памяти вновь было подчеркнуто в сентябре 2021 г., когда с приветствиями к участникам Международного научно-практического форума "Хабаровский процесс: исторические уроки и современные вызовы" обратились президент России В.В. Путин [24] и министр иностранных дел С.В. Лавров [14]. Высокий статус этого мероприятия был призван подчеркнуть, что Хабаровский процесс рассматривается как продолжение и логическое завершение Нюрнбергского и Токийского процессов.

Как известно, в период президентства Д.А. Медведева инициатива об отмене Дня окончания Второй мировой войны 3 сентября поддержана не была, что отчасти объяснялось опасениями Москвы осложнить переговоры с Японией по территориальному вопросу. Изменения, внесенные в 2010 г. в Федеральный закон "О днях воинской славы", фиксировали в качестве Дня окончания Второй мировой войны 2 сентября. В 2020 г., в существенно ином политическом контексте, новые изменения в Федеральном законе привели к формальному переносу Дня окончания Второй мировой войны на 3 сентября, что тем не менее отличалось от формулировки Указа 1945 г., в котором речь шла о Дне победы над Японией. При этом произошло сближение с исторической политикой Китая, где окончание Второй мировой войны отмечается именно 3 сентября. Наконец, последние изменения в Федеральном законе "О днях воинской славы и памятных датах России", вступившие в силу в конце июня 2023 г., зафиксировали формулировку "3 сентября – День Победы над милитаристской Японией и окончания Второй мировой войны (1945 год)".

Весьма зависимым от актуального состояния российско-китайских отношений является участие официальных структур в мероприятиях, связанных с памятью о пограничном конфликте на о. Даманский (1969 г.). Мемориальный комплекс защитникам Даманского, включающий надгробие на братской могиле погибших советских военнослужащих, ряд отдельных надгробий, памятник и музей Славы, был торжественно открыт в г. Дальнереченск Приморского края в 2008 г. по ини-

циативе ветеранов, участвовавших в боевых действиях 1969 г. В соседнем г. Лучегорск разбит Парк Героев даманских событий с мемориальной стелой; памятный знак также установлен на одном из зданий в центре Хабаровска. Общая тенденция, однако, состоит в ограничении масштабов официальных коммеморативных мероприятий (в особенности – 50-летия конфликта) пределами Приморского края несмотря на то, что для всего Дальнего Востока как сами события на Даманском, так и в целом российско-китайское пограничное размежевание по рекам Амур и Усури остаются значимой и болезненной темой репертуара исторической памяти.

Историческая память в рассматриваемых регионах о периоде между окончанием Второй мировой войны и распадом СССР в значительной степени носит ностальгический характер. Период 1950-х – 1970-х годов многими воспринимается как своеобразная *Belle Époque* Дальнего Востока, когда макрорегион купался в лучах внимания центрального партийного руководства, делавшего ставку на индустриальное и инфраструктурное развитие и уделявшего при этом особое внимание транспортной связанности огромных территорий "от Байкала до Амура".

Промышленное и транспортное освоение макрорегиона в хрущевскую и брежневскую эпохи осуществлялось уже в значительной мере силами вольнонаемных рабочих, рассчитывавших на более высокий, чем в европейской части СССР, уровень оплаты труда. Важнейшие объекты индустриального и инфраструктурного строительства превратились и в места памяти, чему немало способствовала их героизация (иногда не только позитивная) в произведениях ведущих советских писателей, поэтов, кинематографистов, часть из которых сами обретали статус региональных культурных героев. Проявлением своеобразной ностальгии по позднесоветским временам можно считать установку мемориальных досок в память о первом секретаре Хабаровского крайкома КПСС А.К. Черном (1970–1988) и председателя крайисполкома Г.Е. Подгаеве (1970–1981) и Н. Н. Данилюке (1986–1990), а также протесты против сноса дома, в котором жил А.К. Черный (главной движущей силой этих протестов были хабаровские коммунисты) [10]. Местами памяти становятся даже руины недостроенных городов, как, например, дальневосточного центра химической промышленности – города Бонивур (название не было официально утверждено), строительство которого было начато и затем остановлено в период горбачевской перестройки [16].

В целом ностальгическое восприятие позднесоветской эпохи в историческом сознании жителей макрорегиона более тесно связано с местной идентичностью, чем об этом можно говорить применительно к россиянам, живущим к Западу от Урала. Общая социальная травма, связанная с распадом СССР и реформами 1990-х годов, на Дальнем Востоке еще более усилена фрустрацией, связанной с утратой экономических преимуществ позднесоветского времени и ощущения особой миссии макрорегиона для настоящего и будущего России. В репертуаре исторической памяти Хабаровского края пока более востребованными оказываются те эпизоды, которые подпитывают недоверие и разочарование политикой федерального центра, а также символизируют особую позицию региональных властей в отношении действий и решений центральной власти⁷. Масштаб разочарования слишком велик, чтобы его можно было быстро преодолеть новой риторикой "Поворота на Восток" и не очень последовательными практическими действиями, призванными обеспечить опережающее развитие макрорегиона. Вместе с тем предпринимаются новые попытки переломить эту тенденцию, связанные как раз с "Поворотом на Восток". К ним, в частности, относятся подготовка к 50-летию юбилею

⁷ Одним из таких символов стала часовня святого мученика-воина Виктора, построенная по инициативе хабаровского губернатора В.И. Ишаева на амурском острове Большой Усурийский в 1999 г. Часовня была возведена всего за пять недель в период наиболее активной фазы российско-китайских переговоров о демаркации границы, которая в том числе затрагивала и остров Большой Усурийский. Часовня должна была визуализировать российское присутствие на Амуре, а ее конкретное расположение должно было повлиять на процесс демаркации. Переговоры РФ и КНР в самом деле были осложнены этой инициативой, но в конечном счете линия границы пролегла в нескольких десятках метров от часовни (см.: [17]).

(2024 г.) начала строительства БАМа как коммеморации общероссийского масштаба [7].

В целом режим исторической памяти в Хабаровском крае в настоящий момент характеризуется умеренным уровнем напряженности. Однако этот показатель не связан с "бесконфликтностью" исторического пути региона, отсутствием разногласий между ведущими мнемоническими акторами или же обстоятельной проработкой с их участием сложных вопросов прошлого. Скорее, это результат тактики "сглаживания острых углов" или рефлексивного ухода региональных властей от наиболее дискуссионных тем давней или недавней истории. Определенную демпфирующую роль играет и то обстоятельство, что лишь небольшая часть современного населения края связана глубокими семейными корнями с его территорией. В составе населения доминируют переселенцы послевоенных потоков и их потомки в первом-втором поколениях; достаточно весомая часть жителей края продолжает рассматривать переезд в другую часть России или даже за ее пределы в качестве реальной жизненной перспективы для себя и / или своих детей, способствуя тем самым сохранению "проточной культуры" в регионе [1]. Но протестный потенциал Хабаровского края, избиратели которого несколько раз преподносили федеральному центру электоральные сюрпризы, сохраняется на высоком уровне. Реакция хабаровчан на кадровые решения, принимаемые в Москве, отнюдь не всегда была индифферентной, а серия уличных демонстраций 2020 г., вызванных арестом и отстранением с поста губернатора Хабаровского края С.И. Фургала, стала политическим потрясением, имевшим сильный резонанс далеко за пределами региона. В этом контексте можно понять стремление региональных властей не создавать новых точек напряжения, принимая те или иные решения в сфере политического использования прошлого, которое пока остается на периферии общественных дискуссий.

Заключение

С учетом представленного выше обзора политики памяти в Хабаровском крае хотелось бы коротко остановиться на нескольких актуальных проблемах.

Прежде всего, большое значение имеет роль политико-административного центра как очага формирования региональной идентичности и основной арены взаимодействия местных мнемонических акторов. Административный центр, локализуя властный контроль над территорией, выступает транслятором "геостратегических устремлений, конкурирующих идеологий и радикальных планов по изменению жизни каждого человека" [28, с. 14], проживающего в регионе. Но он же одновременно становится основной ареной адаптации и локальной переработки всех этих устремлений, идеологий и планов под местные условия.

С одной стороны, Хабаровск в этом плане исторически значим как опорный пункт продвижения России к Тихому океану и ее закрепления в Приамурье. С другой стороны, современный Хабаровск – город по преимуществу советский и постсоветский. Он является центром обширного, но произвольно отграниченного в административно-территориальном плане региона, созданного с целью военно-индустриального освоения этих пространств, обеспечения по преимуществу силового контроля над ними, а также проекции силы вовне, в Северо-Восточный Китай. В Хабаровске и Хабаровском крае более сильно ощущаются пространственно-временные разрывы: ограниченная связь с "большой землей", слабая – в отличие, например, от Иркутска и Иркутской области – укорененность местного населения, которое по преимуществу представляет собой второе-третье поколения переселенцев и ссыльных 1930–1950-х годов, тогда как традиция, связанная с переселенцами конца XIX-начала XX вв., в ходе Гражданской войны, крестьянских восстаний 1925–27 гг. и массовой эмиграции в Китай, практически оборвана. Это ощущение оторванности от основной России является важной составляющей краевой идентичности и питательной почвой протестных настроений. Следует принимать во внимание и такой аспект развития крупных городских центров макрорегиона (в максимальной степени она дает о себе знать в Хабаровске), как их рост за счет массовых переселений извне, при весьма незначительной связи с окружавшей их

сельской периферией [3, с. 78]. При этом локальная идентичность, связанная в первую очередь с проживанием в крупных городах – Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре, – превалирует над краевой идентичностью.

Не менее важна проблематика идентичности и памяти локальных сообществ, для которых основными являются этнические и / или религиозные маркеры. Они чаще всего недостаточно "схватываются" на уровне региона (особенно в случае фокусировки на административно-территориальном делении), а в качестве мнемонических акторов такие сообщества могут проявлять себя лишь эпизодически. Сюда прежде всего относится автохтонное население, для образа жизни и идентичности которого исключительно важную роль играло расселение вдоль берегов Амура и его притоков. В эту группу попадают и старообрядцы, с которыми связаны начальные этапы освоения региона как части российского государства. Но также можно и нужно говорить об особенностях исторической памяти более многочисленных сообществ, появившихся в регионе вследствие миграционных процессов на рубеже XIX–XX вв., как, например, корейцы или украинцы. Вполне понятно, что идентичность украинцев Дальнего Востока в текущем геополитическом контексте становится "горячим вопросом", требующим тщательного и беспристрастного рассмотрения. Миф о Зеленом клине, возникший в период активного украинского переселенчества на Дальний Восток, подкрепленный в 1917 г. политическими требованиями местных "громад", а в конце Второй мировой войны получивший литературную подпитку благодаря публикации романа Ивана Багряного "Тигрловы", сегодня целенаправленно возрождается извне при помощи инструментария информационно-психологических операций. Степень его актуальности и отношение к современной дальневосточной идентичности нуждаются в углубленном и обстоятельном междисциплинарном исследовании.

Динамика исторической памяти в регионах Сибири и Дальнего Востока может существенно дополнить репертуар общероссийской политики памяти (и не только ее) в том, что касается образов историко-культурного пространства в конкретных регионах. Здесь, разумеется, есть опасность возникновения сильного диссонанса с привычным "москвоцентричным" образом историко-культурного пространства. Например, в случае Бурятии или Тувы "москвоцентричная" оптика дополняется или даже оспаривается видением республик как частей Внутренней Азии, включающей в себя и *Rex Mongolica*, и ареал распространения тибетского буддизма. Для Хабаровского края характерно обостренное ощущение миссии изолированного форпоста фронтальной модернизации, о котором центр, чьи интересы он отстаивает и защищает на другом конце континента, позволил себе забыть на несколько десятилетий. Нет сомнений, что образы историко-географического пространства относятся к еще одному направлению политики памяти, значение которого пока недооценено, но которое рано или поздно окажется в центре внимания исследователей⁸.

Здесь, разумеется, дает о себе знать и деликатная проблема выстраивания конструктивного взаимодействия между исследователями, "коренными" для данного региона, и большей частью академического сообщества, представляющего центр и другие регионы. Речь идет о поиске подхода, позволяющего преодолеть большинство издержек "централистского" нарратива, этноцентризма (особенно сильно проявляющегося в регионах, имеющих статус республик) и установок на эксклюзивность местного исследовательского сообщества, иногда доходящих "до проявлений resentmentа и активной промоутации идеи о невозможности понять регион, не живя в нем" [4, с. 237]. Очевидно, что в поисках подобного подхода большую часть пути предстоит пройти "столичным" исследователям; для этого также потребуются эксплицитировать такую важную и неотъемлемую функцию регионального академического сообщества, как его роль в поддержании и развитии региональной / макрорегиональной идентичности, включающей, разумеется, и вопросы политики памяти.

⁸ Постановка данной проблемы вне рамок исследований политики памяти см.: [13].

Региональная / макрорегиональная идентичность – фактор, который не только определяется географическим пространством, государственными границами и внутренним политико-административным делением, межэтническими взаимодействиями, колеей прежнего исторического пути и т.д., но и сам способен трансформировать соответствующий пространственно-временной локус. Речь идет о ментальном освоении, а иногда даже о перевоображении региона, толчком к которому могут послужить события и процессы на глобальном и / или общенациональном уровне. Сама идентичность, очевидно, также проходит через определенные этапы консолидации, начальной стадией которой становится стихийное формирование регионального самосознания и локального патриотизма, вслед за чем приходит черед осознанного достраивания (конструирования) идентичности местным интеллектуальным сообществом [26, с. 12] во взаимодействии, подчас достаточно напряженном, с интеллектуальной элитой большей страны. В этом плане будет уместным предположить, что взятые в качестве заголовка данной статьи слова из текста вальса "Амурские волны" характеризуют, скорее, видимую модальность актуальных обсуждений прошлого, настоящего и будущего Хабаровского края и Дальнего Востока в целом. Вполне вероятно, что довольно скоро динамика и насыщенность подобных дискуссий могут существенно измениться.

Литература

1. Бляхер Л.Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // *Пространственная экономика*. 2005, № 1. С. 117–132.
2. Бляхер Л. Сибирская сага. Афанасий Бейтон. Москва: Ridero, 2017. 297 с.
3. Бляхер Л.Е., Ковалевский А.В. Без лидеров, лозунгов и транспарантов: Борьба за город и рутинное сопротивление в частном секторе городов Востока России. На примере Хабаровска. // *Полития*. 2021, № 1 (100). С. 75–105. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-75-105>.
4. Болтунова Е.М. Региональная история России: исследовательское поле и архивная практика (1990-е – начало 2020-х годов) // *Новое литературное обозрение*. 2022. № 6 (178). С. 235–250.
5. В Комсомольске-на-Амуре открыли Аллею с бюстами кавалеров ордена Победы, среди которых Сталин // *НАКАНУНЕ.RU*: сайт. 03.12.2018. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/12/03/22526390/> (дата обращения: 01.05.2023).
6. Василий Орлов: "Албазинский острог будет центром притяжения" // Фонд "Петропавловск": сайт. 09.10.2020. URL: <http://ppfond.ru/vasilij-orlov-albazinskij-ostrog-budet-czentrom-prityazheniya/8967/> (дата обращения: 06.05.2023).
7. Владимир Путин: "Мы обязательно достойно отметим 50-летие БАМа" // Информационное агентство БМК: сайт. 04.09.2021. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/375603/> (дата обращения: 16.05.2023).
8. Врабий А. Демократическая республика на Дальнем Востоке // *Тихоокеанская звезда*. 09.08.1994.
9. Головачев В.Ц. "Тырские стелы и храм "Юн Нин" в свете китайско-чжурчжэнских отношений XIV–XV вв." // *Этно-Журнал*. 2008. № 11: сайт. URL: <https://web.archive.org/web/20090223115421/http://www.ethnonet.ru/ru/pub/14-11-08.html> (дата обращения: 01.05.2023).
10. "Дом Черного" как свидетельство черной неблагодарности // Дебри ДВ. Факты, комментарии, аналитика: сайт. URL: <http://debri-dv.ru/article/2102> (дата обращения: 11.05.2023).
11. Егорчев И.Н. В.К. Арсеньев, известное и неизвестное // *Записки общества изучения Амурского края*. 2012. № 1 (11). С. 98–119.
12. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешошко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
13. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Основные направления, категории, методы и модели // *Культурная и гуманитарная география*. 2012. № 1 (1). С. 11–26.
14. Лавров назвал Хабаровский процесс важнейшим дополнением Токийского процесса // ТАСС: сайт. 06.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308489> (дата обращения: 06.05.2023).
15. Лекция Леонида Бляхера "Ерофей Хабаров: Первая кровь, или сорокалетняя война на Амуре" // ДВХАБ. Сайт Хабаровского края. 20.06.2018. URL: <https://www.dvhab.ru/afisha/khabarovsk/event/94525> (дата обращения: 06.05.2023).
16. Леонкин А.Д. Город Бонивур. Последняя великая стройка СССР. М.: Пятый Рим, 2018. 448 с.
17. Леонкин А.Д. Первая пограничная часовня Дальнего Востока // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. 2022. № 38. С. 213–225.
18. Малинова О.Ю. Комmemорация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов // *Полис. Политические исследования*. 2018. № 1. С. 9–25.

19. Михалев А.В. Память о японской интервенции на Дальнем Востоке России: три постсоветских нарратива // *Дневник Алтайской школы политических исследований*. 2020. № 36. С. 169–177.
20. Михалев А.В. Часовые фронта: памятники атаманам и политика коммеморации в условиях дальневосточного пограничья // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*. Актеры, институты, нарративы / Коллективная монография под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 322–335.
21. Михалев А.В. Партизан как символ Дальнего Востока // *Метаморфозы истории*. 2021. № 21. С. 75–86.
22. Политика памяти в России – региональное измерение: монография / под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2023. 470 с.
23. Поправко Е.А. Образ России (СССР) в экспозициях китайских музеев // *Журнал фронтальных исследований*. 2019. Вып. 4(2). С. 346–362.
24. Путин: обсуждение Хабаровского процесса важно для противодействия искажению истории // ТАСС: сайт. 06.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308417> (дата обращения: 18.05.2023).
25. Пятак В.И. Образ Дальнего Востока России в советском дискурсе: историческая специфика и мифология // *Вестник ДВГСГА. Серия 1. Гуманитарные науки*. 2008. № 1(1). С. 35–38.
26. Ремнев А.В. Региональный нарратив в новой имперской истории России // *Вестник Омского университета*. 2004. № 4. С. 6–13.
27. Сталинский транзит: узники Хабаровской пересылки. Сборник статей. Хабаровск: Издание Хабаровского краевого историко-просветительского общественного движения "Мемориал". Хабаровский государственный институт культуры, 2018. 71 с.
28. Урбански С. За степным фронтиром. История российско-китайской границы. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с.
29. Федосов А.В. Краю замечательных людей посвящается. О комплексном социокультурном проекте "Край замечательных людей" // *История и культура Приамурья*. 2013. № 2(14). С. 4–5.
30. Rigney A. Remembrance as remaking: memories of the nation revisited // *Nations and Nationalism*. 2018. Issue 2 (24). P. 240–257. <https://doi.org/10.1111/nana.12388>.

References

1. Bliakher L.E. Regional self-identification and transboundary practices in Russia's Far East // *Space economy*. 2005, № 1. P. 117–132. (In Russ.).
2. Bliakher L. The Siberian Saga. Athanasius Beyton. Moscow: Ridero, 2017. 297 p. (In Russ.).
3. Bliakher L.E., Kovalevsky A.V. Without leaders, mottos or billboards: fight for the city and routine resistance in the private sector of cities in East Russia. Case of Khabarovsk // *Politeia*. 2021, № 1 (100). P. 75–105. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-100-1-75-105>. (In Russ.).
4. Boltunova E.M. Regional history of Russia: research field and archival practice (1990s - early 2020s) // *New Literary Review*. 2022. No. 6 (178). P. 235–250. (In Russ.).
5. A parkway with monuments of holders of the Order of Victory, including Stalin, was opened in Komsomolsk-on-Amur // *NAKANUNE.RU: web-site*. 03.12.2018. URL: <https://www.nakanune.ru/news/2018/12/03/22526390/> (date of access: 01.05.2023). (In Russ.).
6. Vasily Orlov: "The Albazinsky fort will be the center of attraction" // "Petropavlovsk" Foundation: site. 09.10.2020. URL: <http://ppfond.ru/vasilij-orlov-albazinskij-ostrog-budet-czentrom-prityazheniya/8967/> (date of access: 06.05.2023). (In Russ.).
7. Vladimir Putin: "We will worthyly celebrate the 50th anniversary of the BAM" // Information agency BMK: web site. 04.09.2021. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/politics/375603/> (date of access: 16.05.2023). (In Russ.).
8. Vrabjy A. Democratic Republic in the Far East // *Pacific Star*. 09.08.1994. (In Russ.).
9. Golovachev V.Ts. Tyr's stelae and temple "Yun Ning" in the light of Sino-Jurchen relations of the XIV-XV centuries // *Ethno-Journal*. 2008. No. 11: web site. URL: <https://web.archive.org/web/20090223115421/http://www.ethnonet.ru/pub/14-11-08.html> (date of access: 01.05.2023). (In Russ.).
10. "Chiorny's house" as evidence of black ingratitude // *Debri DV. Facts, comments, analytics: web site*. URL: <http://debri-dv.ru/article/2102> (date of access: 11.05.2023). (In Russ.).
11. Egorchev I.N. V. K. Arsenjev, known and unknown // *Proceedings of the Society for the Study of the Amur Region*. 2012. № 1 (11). P. 98–119. (In Russ.).
12. Zabiyako A.A., Zabiyako A.P., Levoshko S.S., Khisamutdinov A.A. Russian Harbin: life-building experience in the conditions of the Far Eastern frontier / Ed. by A.P. Zabiyako. Blagoveshchensk: Amur State university, 2015. 462 p. (In Russ.).
13. Zamyatin D.N. Humanitarian Geography: Main Directions, Categories, Methods and Models // *Cultural and Humanitarian Geography*. 2012. № 1 (1). P. 11–26. (In Russ.).
14. Lavrov called the Khabarovsk process the most important addition to the Tokyo process // ТАСС: web site. 06.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308489> (date of access: 06.05.2023). (In Russ.).

15. Lecture by Leonid Bliakher "Erofey Khabarov: First Blood, or the Forty Years' War on the Amur"// DVKHAB: Web site 20.06.2018. URL: <https://www.dvhab.ru/afisha/khabarovsk/event/94525> (date of access: 06.05.2023). (In Russ.).
16. Leonkin A.D. City of Bonivour. The last great construction project of the USSR. M.: Pyatj Rim, 2018. 448 p. (In Russ.).
17. Leonkin A.D. The first border chapel of the Far East // Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary.2022. № 38. P. 213–225. (In Russ.).
18. Malinova O. Yu. Commemoration of the centenary of the revolution(s) of 1917 in the Russian Federation: an analysis strategies of key mnemonic Actors' // Polis. Political Studies. 2018. 1, P. 9–25. (In Russ.).
19. Mikhalyov A.V. The Memory of Japanese Intervention in the Russian Far East: Three Post-Soviet Narratives // Journal of the Altai School of Political Studies. 2020. № 36. P. 169–177. (In Russ.).
20. Mikhalyov A. V. Sentinels of the frontier: Monuments to atamans and the policy of commemoration in the conditions of the Far East borderlands, in: Miller, A. I., Efremenko, D. V. (eds.) The Politics of Memory in Modern Russia and Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives. St. Petersburg: European University Press at St. Petersburg, 2020. P. 322–335. (In Russ.).
21. Mikhalyov A.V. Partisan as a symbol of the Far East // Metamorphoses of history.2021. № 21. P. 75–86. (In Russ.).
22. Politics of memory in Russia – regional dimension. Ed. by Miller A., Malinova O., Efremenko D. Moscow: Institute of Scientific Informaiton for Social Sciences, 2023. 470 p. (In Russ.).
23. Popravko E.A. The Image of Russia (USSR) in the Expositions of Chinese Museums // Journal of Frontier Studies. 2019. Issue 4(2). P. 346–362.
24. Putin: discussion of the Khabarovsk process is important to counter the distortion of history // TASS: web site. 06.09.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12308417> (date of access: 18.05.2023). (In Russ.).
25. Pyatak V.I. The image of the Russian Far East in Soviet discourse: historical specifics and mythology // Bulletin of DVGSGA. Series 1. Humanities. 2008. № 1(1). P. 35–38. (In Russ.).
26. Remnyov A.V. Regional narrative in the new imperial history of Russia // Bulletin of the Omsk University, 2004. № 4. P. 6–13. (In Russ.).
27. Stalin's transit: prisoners of the Khabarovsk transit prison. Collection of articles // Khabarovsk: Publication of the Khabarovsk regional historical and educational public movement "Memorial". Khabarovsk State Institute of Culture, 2018. 71 p. (In Russ.).
28. Urbanski S. Beyond the steppe frontier. History of the Russian-Chinese border. M.: New Literary Review, 2023. 480 p. (In Russ.).
29. Fedosov A.V. Dedicated to the land of great people. On the complex socio-cultural project "Land of Great People" // History and Culture of the Amur Region. 2013. № 2(14). P. 4–5. (In Russ.).
30. Rigney A. Remembrance as remaking: memories of the nation revisited // Nations and Nationalism. 2018. Issue 2 (24). P. 240–257. <https://doi.org/10.1111/nana.12388>.

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО, д-р полит. наук, заместитель директора Института научной информации по общественным наукам РАН, г. Москва, Россия, e-mail: efd2015@mail.ru

Dmitry V. EFREMENKO, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, Russia, e-mail: efd2015@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 13.06.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 28.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023